DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.2
УДК 330, ББК 65.01
© Балацкий Е.В.

Эрозия и деградация институтов: общая теория и исторические прецеденты

Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. Мировая история содержит множество событий, которые нуждаются в более глубоком осмыслении. Это положение особенно актуально для исторических событий, связанных с кардинальным преобразованием системы государственного управления в разных странах. Для лучшего понимания подобных процессов предлагается уравнение динамики качества институтов, которое основано на разнесении таких явлений, как эрозия институтов, связанных с их отставанием от экономических потребностей общества, и деградация институтов, вызванная спадом культуры правящих элит. Аналитические возможности нового подхода продемонстрированы на четырёх исторических примерах: преобразовании Римской Республики в Римскую Империю, создании в США института глубинного государства, распаде государственности СССР и деградации управления в современной Германии. Для более выпуклого отражения сугубо экономических, институциональных и культурных факторов исторических процессов использовался метод институциональной реконструкции. Данный подход позволил раскрыть отдельные аспекты исторической динамики, которым раньше не находилось адекватного объяснения. В частности, это помогло объяснить парадокс Цицерона, в соответствии с которым система государственного управления переходит от более совершенной к примитивной институциональной модели.

Ключевые слова: эрозия, деградация, институциональная теория, глубинное государство, государственное управление.

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2026). Эрозия и деградация институтов: общая теория и исторические прецеденты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 47–69. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.2

For citation: Balatsky E.V. (2026). Institutional erosion and degradation: A general theory and historical precedents. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 47–69. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.2

Благодарность

Автор приносит благодарность анонимным рецензентам и особую благодарность Жаку Сапиру за его блестящий разбор статьи, который не только позволил улучшить её содержание, но и глубже понять многие поднимаемые в ней вопросы.

Введение: эволюция институтов

Современное общество и накопленные знания позволяют по-новому взглянуть на феномен государства, который демонстрирует удивительную пластичность во времени. Она проявляется как в формировании разного государственного строя на отдельных исторических отрезках, так и в создании поразительно разных институциональных систем в рамках одной политики. Таким образом, институциональная основа государства постоянно изменяется посредством мелких усовершенствований, масштабных реформ и социальных революций. При этом динамика государственных институтов демонстрирует как поступательные, так и возвратные тенденции, приводя к формированию грандиозных институциональных циклов и необходимости их системного объяснения.

Начавшаяся в 2020-х годах глобальная геополитическая турбулентность выводит на поверхность ряд явлений, которые раньше были незаметны и не попадали в фокус внимания академических исследователей. Среди таковых можно выделить следующие: парадокс Цицерона и его исторические проявления в античном мире; возникновение глубинного государства в США; распад социалистического строя СССР; накопление ошибочных геополитических решений правительством современной Германии. Препарирование названных событий с институциональной точки зрения и их системное объяснение формируют цель и содержание данной статьи. Однако для успешного решения поставленных задач необходимо опереться на некий теоретический институциональный базис, касающийся таких понятий, как эрозия и деградация институтов. В связи с этим разбор указанных вопросов будет предварять последующий анализ четырёх исторических социально-политических феноменов. Методология исследования состоит в использовании традиционных методов институционального анализа, а новизна авторского подхода заключается в строгом разнесении понятий эрозии и деградации институтов, а также применении метода институциональной реконструкции, предполагающего оригинальное структурное сопряжение институциональных, экономических, политических и культурных факторов эволюции государственных систем управления.

Предлагаемый в статье подход носит междисциплинарный характер в том смысле, что он выводит на первое место кибернетические (управленческие) вопросы с преимущественным использованием аппарата экономической теории. Одновременно с этим при разборе явлений будут широко использоваться исторические прецеденты институционального переформатирования систем государственного управления.

Указанными обстоятельствами предопределяется структура статьи: сначала подытожим некоторые институциональные понятия и идеи, которые необходимы для толкования ранее необъяснённых социальных явлений; на следующем этапе соберём новые понятия в виде общей теории эволюции социальных систем и государственных институтов; после этого применим новую теоретическую схему к объяснению четырёх явлений – парадокса Цицерона для случая преобразования Римской Республики в Римскую Империю, возникновения глубинного государства в США, распада государственности СССР и ухудшения государственного управления в современной Германии.

Эволюция государственных институтов: основные идеи

Относительно недавно была опубликована работа, посвященная эрозии институтов, в которой дан достаточно подробный экскурс в предшествующую институциональную тематику (Балацкий, 2023). Данное обстоятельство позволяет нам ограничиться обзором новых и самых важных идей, имеющих непосредственное отношение к поставленным исследовательским задачам. В связи с этим сделаем акцент на нескольких идеях, принципиально важных для последующего изложения.

Прежде всего сразу оговоримся, что под институтами здесь и далее мы будем понимать нормы (правила) поведения больших масс людей (Полтерович, 1999). Институты могут быть *формальными* – законодательно закреплёнными в различных нормативных документах; и *неформальными* – выражающимися в традициях и привычках. Наш последующий анализ будет сфокусирован преимущественно на формальных институтах, которые закреплены и поддерживаются государством. В этом смысле они образуют ядро институциональной системы, а неформальные служат её дополнением.

Первая идея, имеющая для нас значение, связана с законом К. Маркса о соответствии производительных сил производственным отношениям (Маркс, Энгельс, 1960). Согласно этому положению, *производительные силы*, выражением которых является действующая хозяйственная система с достигнутым ею технологическим уровнем, постоянно развиваются и со временем перерастают изначальные *производственные отношения*, которые легитимированы сформировавшейся институциональной структурой государства. При слишком большом несоответствии экономической и институциональной подсистем должна происходить революционная замена устаревших отношений (институтов). Тем самым в учении Маркса постулируется постепенная эрозия институтов из-за «разбегания» производительных сил и производственных отношений, однако в его схеме отсутствуют институциональные реформы, позволяющие адаптировать действующую нормативную систему под экономические реалии, а основное внимание уделяется накоплению структурных несоответствий и дискретному (революционному) характеру приведения их в соответствие друг с другом.

Примечательно, что ещё до Маркса осмысление динамики институтов было предпринято Ф. Гизо, который полагал, что общество никогда не распадается раньше, чем в его среде не возникнет нечто новое (Гизо, 2016). В современной интерпретации идея Гизо выражается следующим образом: институты являются продуктом компромиссов между социальными группами и призваны направлять их конфликты в определённое русло; если же достигнутые компромиссы нарушаются, то и лежащие в их основе институты приходят в упадок (Amable, 2017). Такое представление о динамике институтов опирается на концепцию институциональной комплементарности, согласно которой в экономической системе существуют определённые институциональные формы, которые взаимодействуют и усиливают друг друга, тем самым повышая согласованность и стабильность конкретной институциональной конфигурации (Amable, 2016).

Углубление представлений о природе институтов связано с разведением их двух составляющих – абстрактных норм поведения и их конкретного содержания в лице экономических агентов с их технологической и культурной вооруженностью. В этом случае институты сами по себе не обладают никакой имманентной эффективностью, а приобретают её только в результате сопряжения с конкретными экономическими, технологическими и культурными реалиями. Если понимать институты как социальные технологии, то их действенность (равно как и у производственных технологий) зависит от того, кто и как ими пользуется, а также какой материал они «перерабатывают» (Балацкий, Екимова, 2019). В данном контексте социальная система выступает в качестве бинарной комбинации *институциональной оболочки* и её *экономического содержания*, что у Маркса выражено в терминах производственных отношений и производительных сил.

В условиях разрушения в XXI веке старого мирового порядка стала более откровенно формулироваться вторая идея современного институционального анализа – о *деградации институтов* нынешней западной демократии. В частности, было выдвинуто предположение о том, что традиционная система жёсткой межпартийной конкуренции неизбежно порождает механизм деградации моральных норм в политической сфере и снижения эффективности политической системы, а следовательно, и всей институциональной организации западных стран. В результате широкого распространения интернета эти процессы резко интенсифицировались за счёт спада общей культуры граждан (Полтерович, 2021). Несколько позже эта идея получила дальнейшее развитие в тезисе о том, что позитивное взаимодействие четы-

рёх групп факторов эволюции западных стран: технического прогресса, гражданской культуры, институтов и уровня благосостояния – на сегодняшний день исчерпано. Во многом этот процесс связан с *упадком гражданской культуры*, порождаемым эффектом деструктивного альтруизма, и деградацией институтов конкуренции вследствие «проблемы грязных рук» (Полтерович, 2026).

Следующий шаг в развитии институциональной теории связан с концепцией сложности Д. Дзоло, которая трактует политику как балансировку полярных ценностей – личной безопасности и свободы, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека (Дзоло, 2010). Идея Дзоло о диалектичности политического процесса продолжает интеллектуальную традицию Д. Норта о двойственной природе институтов (Норт, 2010). Новая трактовка Дзоло наиболее ярко может быть представлена в терминах кривых спроса и предложения, когда демократия достигается в точке пересечения кривых свободы и безопасности. Тогда третья базовая идея современного институционального анализа представляет собой утверждение о том, что эволюционные *шоки сложности* сдвигают исходную кривую безопасности к началу координат (Дзоло, 2010). Это соответствующим образом смещает точку равновесия к нулевой отметке и означает ослабление демократических институтов в пользу авторитарных режимов (Балацкий, 2013). В итоге мы получаем нелицеприятный вывод – усложнение социального мира ведёт к снижению эффективности демократических институтов и их постепенному разрушению. Подчеркнём, что источником неэффективности институтов в концепции Дзоло выступает эволюционный рост сложности социальной системы.

Чрезвычайно важно, что безальтернативность тенденции усложнения социума основана на *эволюционном правиле* Д. Норта, согласно которому мир развивается путём перекладывания рисков из физического мира в мир социальный (Норт, 2010). В свою очередь попытки сдержать рост сложности социальной системы продуцируются такими общесистемными и кибернетическими законами, как закон У.Р. Эшби, закон Е.А. Седова, закон Ч. Гудхарта, закон Д. Кемпбелла и т. п. (Балацкий, 2013).

Четвёртая идея институционального анализа состоит во введении в рассмотрение феномена *эрозии институтов*, под которым понимается снижение эффективности институтов из-за усложнения/упрощения экономической системы (Балацкий, 2023). В иной трактовке этот тезис эквивалентен утверждению о влиянии экономического роста на качество институтов. Формализация этого фактора позволяет сконструировать уравнение эрозии институтов, которое можно считать логическим завершением макроэкономической модели роста. При этом масштаб и сложность экономической системы трактуются как взаимосвязанные понятия, а зависимость качества институтов от экономического роста позволяет обеспечить обратную связь в динамической модели роста.

В данном контексте подчеркнём тот факт, что упомянутые выше концепции Гизо и Амабля раскрывают представление о том, что институты являются результатом экономического роста. Согласно их представлениям, рост и институты связаны между собой промежуточным механизмом взаимных интересов разных социальных групп. В таком случае экономический рост способен подрывать старые классовые союзы, расшатывать политические блоки и ставить перед правительствами новые вопросы, а сами институты оказываются предметом пересмотра прежних договоренностей (Amable, 2016).

Перечисленные идеи позволили существенно продвинуться в объяснении и понимании механизма эволюции социальной системы, однако последующие академические дискуссии выявили некоторые недоговоренности и шероховатости новых понятий. Например, имеет ли смысл различать понятия эрозии и деградации институтов или это фактические синонимы? Есть ли у этих понятий положительные понятия-антиподы? Как помогают понятия эрозии и деградации институтов углубить наши представления об эволюции человеческой цивилизации?

На эти и другие вопросы будут даны ответы в последующих разделах статьи.

Эрозия и деградация институтов: общая теория

В ранней работе (Балацкий, 2023) было предложено уравнение институциональной эрозии, которое выступало в качестве центрального элемента обобщённой теории экономического роста:

$$dI/dt = R + \nu I - \Omega, \qquad (1)$$

где I – качество (эффективность) институтов;

ν – коэффициент «шлифовки» институтов, отражающий адаптивное самосовершенствование правовой системы;

R – эффект от проводимой институциональной реформы;

Ω – эффект эрозии институтов из-за постепенной трансформации экономической системы ($\Omega > 0$).

С учётом ранее сказанного можно немного уточнить и обобщить уравнение (1):

$$dI/dt = (R + \nu I) - [\Omega + \Psi], \qquad (2)$$

где Ψ – эффект деградации институтов из-за деградации управленческой и гражданской культуры ($\Psi > 0$).

Таким образом, в круглых скобках правой части уравнения (2) фигурирует положительный вклад в качество институтов в виде «эффекта шлифовки» (самосовершенствования) (νI) и «эффекта исправления» (реформ) (R), а в квадратных скобках – отрицательный вклад в форме «эффекта эрозии» (Ω) и «эффекта деградации» (Ψ). В таком виде институты превращаются из относительно экзогенного фактора экономического развития в сугубо эндогенный, который зависит и от экономических достижений макросистемы, и от сложившегося уровня культуры, и от управленческих навыков общества по исправлению норм своего существования, и от умения совершенствовать эти нормы.

Поясним смысл введённых уточнений.

Прежде всего здесь мы строго разграничиваем объективные и субъективные факторы. Например, элементы (νI), (R) и (Ψ) зависят от культуры, профессионализма и навыков представителей системы государственного управления, их целей и горизонта планирования, тогда как элемент (Ω) фиксирует вызовы подсистемы управления со стороны управляемой подсистемы. Для понимания разницы между эрозией и деградацией институтов следует ввести уровень управленческой культуры (K) и уровень сложности экономической системы, который так или иначе связан с масштабом экономики (Y), т. е. уровнем производства (ВВП). Таким образом, феномен *эрозии институтов* показывает степень накопившегося несоответствия институтов к сложившемуся уровню (масштабу) сложности экономики ($\Omega = \Omega(Y)$), а феномен *деградации институтов* демонстрирует несоответствие сформировавшихся институтов к уровню культуры тех, кто ответствен за их поддержание в дееспособном состоянии. В такой трактовке становится предельно ясна разница между рассмотренными двумя явлениями. Хотя, на первый взгляд, они могут казаться очень похожими, их природа принципиально различна.

Что касается реформ, то она по определению направлена на обеспечение прироста качества институтов $R = \Delta I$ (Балацкий, 2021) и в равной мере зависит как от изменяющейся внешней среды, так и от искусства (культуры) властей по проектированию программы реформ (Полтерович, 2007): $R = R(Y, K)$. Тогда уравнение (2) задает довольно очевидное и естественное условие позитивной эволюции институтов:

$$R(Y, K) > \Omega(Y) + \Psi(K) - \nu I. \qquad (3)$$

Очевидно, что условие (3) ничем не гарантировано и в определённые исторические периоды может не просто нарушаться, а доходить до критичной стадии, тем самым провоцируя различные социальные движения – от масштабных и весьма болезненных реформ до кровавых революций и гражданских войн. Причём важным моментом таких движений является тот факт, что иногда никакие реформы не могут компенсировать потенциал несоответствия между институтами с одной стороны и хозяйственной системой и культурой – с другой. По всей видимости логика перехода от реформ к институциональной ломке с принципиальным изменением строя и государственного правления определяется следующим правилом: пока имеет место условие $I > I^*$, где I^* – некая минимальная критическая величина эффективности институтов, то возможно проведение прогрессивных реформ по повышению качества

социального порядка; в противном случае старый институциональный уклад разрушается и заменяется на новый, в том числе силовым путём – с помощью мятежей, переворотов, революций и т. п.

Для лучшего понимания разницы между эрозией и деградацией институтов приведём два простых примера из истории СССР. Первый связан с действием довольно разумного института сбора населением макулатуры – обменом собранной бумаги на специальные талоны на популярные книги с последующим их выкупом. Данная институциональная норма никак не может быть признана негативной – она поддерживала щадящий экологический режим в отношении вырубки лесов, инициировала разумную организационную модель по утилизации бумаги и поддерживала интерес у населения к лучшим произведениям мировой литературы. Однако деградировавшая советская элита довела этот институт до полного абсурда: во-первых, получение абонемента на одну книгу предполагало сдачу 20 кг макулатуры, что является запредельной величиной (ничто не мешало ввести норматив в 5 или хотя бы 10 кг); во-вторых, качество книг по абонементам иногда было поразительно низким (из газетной бумаги со слоями разного цвета и т. п.); в-третьих, книги по абонементам продавались не по сниженным, а по завышенным (рыночным) ценам. Неудивительно, что столь хорошее начинание обернулось своим полным вырождением – абонементы стали продавать за деньги, что, с одной стороны, позволяло не сдавать макулатуру, а с другой– ещё больше увеличивало цену книги. Бесконтрольность процесса привела к тому, что через некоторое время даже наличие абонемента уже не гарантировало получение книги, а это окончательно похоронило исходный институт, т. е. привело к его полной *деградации*. Подчеркнём, что в данном примере очень чётко разделены сама институциональная норма и практика её реализации, что и говорит о ведущей роли низкой культуры советской элиты в падении эффективности советских институтов.

Второй пример связан с падением темпов экономического роста в СССР после трёх десятилетий их поддержания на высоком уровне. Как оказывается, падение динамичности развития Советского Союза стало следствием неадекватности плановой системы для решения задачи внедрения технологических инноваций. Дело в том, что по истечении срока службы основных фондов и возникновения потребности в их масштабной замене сделать это эффективно в условиях планового ведения хозяйства практически невозможно. Все советские предприятия получали план по валовому выпуску продукции, а любое обновление производственного парка требовало его остановки, ремонта, переналадки и замены, что автоматически нарушало директивные планы и порождало противоречие между плановой ритмичностью производства и его эффективностью на основе внедрения технологических инноваций (Попов, 2025). Попытка СССР сохранить *чистую институциональную* стратегию (план или рынок) ослабила экономику страны, тогда как впоследствии в Китае была внедрена *смешанная стратегия* (план и рынок одновременно), которая позволила ему сохранить высокую динамичность производства и запустить технологический прогресс (Балацкий, 2025). В данном примере мы видим, что никакие действия советских властей не могли сохранить эффективность системы плановой экономики без частичного демонтажа её исходной основы. В этом смысле *эрозия* институтов стала прямым следствием новых вызовов и явлений в экономической жизни СССР.

Таким образом, как было указано ранее, феномены эрозии и деградации институтов имеют разную природу – *объективную* и *субъективную* соответственно. Однако эти понятия имеют и другое измерение. Так, эрозия отображает *стратегические* и *долгосрочные* эволюционные сдвиги в паре «институты/экономика», тогда как деградация сопряжена с оперативными ошибками в принятии управленческих решений и преимущественно краткосрочным характером в соотношении «институты/культура». Эти положения могут быть весьма полезными для углублённого исторического анализа.

Ранее был поставлен вопрос о наличии у понятий эрозии и деградации институтов положительных понятий-антиподов. Ответ состоит в том, что эрозия институтов – самостоятельное явление, которое не имеет симметричного положительного проявления: удовлетворительная система институтов приходит в негодность из-за постоянной позитивной динамики хозяйственной системы (экономического роста),

однако улучшение качества институтов по причине примитивизации экономики трудно представить; в любом случае подобный эффект можно отнести к случайным явлениям. Относительно деградации институтов ситуация иная – симметричное явление имеет место тогда, когда происходит рост качества институтов по причине адаптации культуры населения к действующим нормам, например в случае уменьшения нарушений правил дорожного движения в результате роста культуры и самосознания автомобилистов. Таким образом, эффект деградации институтов в уравнении (2) может принимать отрицательные и положительные значения ($\Psi < 0$), тогда как эффект эрозии – только положительные ($\Omega > 0$).

Подытоживая сказанное, напомним, что ранее было введено понятие *институциональной парадигмы*, под которой понимается совокупность исходных базовых принципов институциональной модели государства (Балацкий, 2023). Как правило, реформы направлены на «ремонт» институтов, но не затрагивают институциональных основ, которые, в свою очередь, пронизаны некоей институциональной парадигмой. Именно поэтому в реальной жизни вместо прогрессивных реформ иногда происходят деструктивные революции, призванные изменить именно исходную социальную парадигму устаревшей правовой системы.

Метод институциональной реконструкции

Представленная выше теория неявно содержит предположение о том, что она может хотя бы частично верифицироваться и быть оцифрована в соответствии с современными требованиями. В связи с этим следует сделать ряд замечаний.

Во-первых, принципиальная возможность количественной оценки уравнения динамики качества институтов (2) существует, однако этот процесс крайне затруднён из-за неоднозначности в измерении самого качества институтов[1]. Например, имеется множество *субъективных* частных индексов качества институтов, которые оцениваются экспертным путём различными специализированными агентствами. При этом в эконометрических работах для повышения объективности анализа часто конструируют показатель качества институтов как взвешенное среднее нескольких частных индексов (например, индекса правопорядка (rule of law index), качества управления (the bureaucratic quality index), уровня коррупции (the corruption in government index), риска экспроприации (the risk of expropriation index), риска аннулирования контрактов правительством (the government repudiation of contracts index)); данный показатель, как правило, нормируется так, чтобы принимать значения от 0 до 1 по мере роста качества институтов (Карташов, 2007). Субъективность указанных индексов и их противоречие друг другу, а также субъективность процедуры их агрегирования являются серьёзной проблемой в цифровизации институциональной динамики.

Во-вторых, иная аналитическая традиция, предполагающая переход к максимально *объективным* показателям институционального потенциала государства, также не решает проблемы. Например, в качестве прокси-переменных качества институтов часто рассматривают уровень убийств как проявление несоблюдения монополии государства на насилие и долю теневой экономики[2] как признак несоблюдения его экономических правил и монополии на взимание налогов (Popov, 2011). Указанные количественные индикаторы могут приходить в явное противоречие с экспертными индексами качества институтов и даже противоречить друг другу, что осложняет простые количественные замеры. Аналогичная проблема возникает при рассмотрении индекса доверия, который основан на опросах населения и может претендовать на некую агрегированную характеристику эффективности институтов. Как оказывается, процесс доверия характеризуется не только интенсивностью, но и размером совокупности людей, с которыми реально взаимодействует индивид. В разные периоды времени интенсивность и радиус доверия могут принимать разнонаправленные тенденции (Полтерович, 2016).

[1] В современной литературе понятия качества и эффективности институтов выступают как синонимы. Это связано с тем, что качество институтов обеспечивается определёнными бюджетными затратами, что и делает эти понятия эквивалентными.

[2] Заметим, что оценка доли теневой экономики относится скорее к разряду полуобъективных показателей, ибо имеется множество альтернативных методик получения искомых цифр.

В-третьих, применительно к уравнению (2), самостоятельную трудность представляет оценка эффектов реформ (R), эрозии (Ω) и деградации (Ψ) институтов. При этом два последних показателя зависят от уровня сложности экономической системы и показателя культуры соответственно, что сопряжено с поиском неочевидных соответствующих метрик измерения. Например, сложность экономики может задаваться некоей нелинейной функцией от уровня ВВП или душевого ВВП, а уровень культуры замеряется, как правило, субъективными оценками, аналогичными таким же показателям качества институтов. Манипулирование метриками сложности экономики и индикаторами качества институтов порождает широкий диапазон формальных построений и получаемых выводов.

В-четвертых, самостоятельную проблему порождают спекулятивные возможности эконометрики, когда манипулирование переменными, спецификацией модели и временными лагами позволяет добиться выполнения статистических тестов практически во всех случаях. Подгонка отдельных элементов модели под заранее заданный результат даёт возможность отыскать конфигурацию, которая отвечала бы всем требованиям теории.

Всё сказанное означает, что количественная верификация модели (2) возможна, но желательно иметь и альтернативные подходы к её проверке. В данном качестве можно предложить *метод институциональной реконструкции* (МИР), который предполагает реконструкцию определённых исторических событий для раскрытия логики взаимодействия происходящих институциональных, экономических и культурных изменений. Этот метод имеет явное сходство с методом *стилизованных примеров*, которые взяты из реальной жизни, обладают определёнными свойствами (реальности, типичности, выразительности и объективности) и позволяют не только распознать регулятивные тренды, но и дать их институциональное описание (Балацкий, 2015). Имеется некоторое сходство между МИР и методом кейс-стади, в основе которого лежит анализ конкретных ситуаций (кейсов) из профессиональной практики, экономики, социальной сферы, бизнеса и других областей (Проскура, Терехова, 2017). Однако больше всего МИР похож на подход, развитый Д. Аджемоглу и соавторами в серии работ (Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021; Аджемоглу, Джонсон, 2024), где рассматриваются взаимообусловленные сдвиги в экономике, политике и институтах.

МИР не отвечает нормам формальной строгости, но позволяет на качественном уровне уяснить ситуацию и понять содержательные аспекты институциональных преобразований в широком историческом контексте. В дальнейшем продемонстрируем применение этого метода на отдельных, наиболее выразительных исторических примерах.

Парадокс Цицерона: сущность и объяснение

Для институциональной теории важное значение имеет объяснение так называемого *парадокса Цицерона*. Напомним, в чём состоит данное явление.

Уже в Древнем Риме возникла доктрина смешанных институциональных стратегий в политической сфере, которая свою зрелую форму получила в работе Марка Туллия Цицерона «О государстве» (Цицерон, 2021). Ещё до Цицерона греческая мысль выделяла три правильные *чистые* формы государственного правления: монархию – законную власть одного человека; аристократию – власть избранного совета; демократию – власть всего народа, соблюдающего собственные законы. Однако все они несовершенны и тяготеют к своим крайностям или отрицательным диалектическим противоположностям: монархия легко превращается в деспотическое правление – тиранию, аристократия вырождается в господство знатных и богатых – олигархию, а демократия скатывается к господству толпы – охлократии (Бобровникова, 2006, с. 346). По мнению Цицерона, три положительные формы правления: монархия, аристократия и демократия – идеально уравновешены в Римской Республике, в которой власть разумно распределена между монархическим элементом, представленным ежегодно переизбираемыми народными консулами; аристократическим в лице сената; демократическим в форме народного собрания (Бобровникова, 2006, с. 347). Тем самым в республиканской форме правления достигается равновесие между тремя *чистыми* институтами власти, образующими *смешанный* институт.

Однако именно Цицерон, обосновавший институциональные преимущества республики, стал свидетелем и жертвой падения республиканской формы правления и её перерождения в имперский строй. Иными словами, более тонкий и совершенный институт республики был заменён более примитивным и грубым институтом империи (монархии), в чём и состоит *парадокс Цицерона*.

Учитывая, что Римская Республика, равно как и заменившая её Римская Империя, просуществовали несколько столетий, то парадокс Цицерона не был случайным явлением, а потому нуждается в системном объяснении.

Наш ответ на поставленный вопрос заключается в следующем: Римская Республика к концу своего существования вступила в стадию беспрецедентной *внешней экспансии*, которая автоматически делала республиканскую форму правления неэффективной, т. е. приводила к её активной эрозии и требовала иной институциональной парадигмы, которая и была сформирована в рамках Римской Империи.

Указанный процесс институциональной рокировки проходил путём реализации трёх институциональных трендов. Первый представлял собой постепенную разбалансировку между непрерывно возрастающей и усложняющейся экономической системой (территория, население, объём экономическая активность, сложность системы управления и т. п.) и законсервировавшейся институциональной структурой власти. В наших терминах это означает быструю эрозию действующих институтов в сторону полной потери ими своей дееспособности (Балацкий, 2024a). Второй тренд связан с возникновением так называемого *насоса богатства* в форме громадной добычи от завоевательных походов и формированием на этой основе класса *контрэлит* в противовес действующей правящей верхушке (Турчин, 2024). Третий тренд включал кристаллизацию новых элит в результате внутренней борьбы, истребление старой власти и установление новой и более эффективной формы государственного правления – императорской власти (Балацкий, 2024b).

Фактологическое наполнение первого тренда хорошо известно: выборная процедура консулов «поставляла» новые действующие лица на политическую арену, тем самым усиливая политическую конкуренцию; возвращение с войны обогатившихся триумфаторов вело к росту числа представителей элиты, способных приводить в действие большие массы населения и ставить под вопрос дееспособность старых институтов власти; необходимость согласования полководцами своих действий с консервативным сенатом снижала оперативность политических решений и вызывала своеобразные институциональные провалы в ходе боевых действий; большое число восстаний рабов, италийских и других племён на фоне войны требовало предельно жёстких и даже жестоких волюнтарных решений, выходящих за рамки республиканских институтов; завоевательные походы в разных географических направлениях предусматривали долгосрочную политику согласованности действий и единоначалия (Балацкий, 2024a). В таких условиях выборные консулы превратились в политических временщиков, сенат – в бюрократическое собрание, а народ с его трибунами – в источник политической нестабильности. Первым проявлением неспособности демократической власти решать острые проблемы государства стало возведение в 82 году до н. э. на должность диктатора Рима Луция Корнелия Суллы, что и послужило своеобразной репетицией к будущему имперскому правлению. Тем самым падению Римской Республики предшествовала быстрая эрозия (снижение эффективности) институтов республиканского правления.

Иллюстрации ко второму тренду также хорошо представлены в исторической литературе: масштабные завоевательные кампании Рима привели к формированию огромных войск и усилению влияния их военачальников; гигантская добыча в успешных войнах мгновенно обогащала полководцев, давала им известность и народную популярность; удалённость от центра принятия решений вела к наделению военных лидеров дополнительными политическими полномочиями, в том числе по установлению налогов и контрибуций с последующим дополнительным обогащением за их счёт; ведение переговоров с иностранными правителями повышало их дипломатический статус и позволяло формировать международные альянсы и союзы (Mayor, 2010).

Фактология третьего тренда не менее очевидна: после бессрочной диктатуры Луция Корнелия Суллы, которая длилась с 82 по 79 год до н. э., возник Первый Триумвират в составе Гая Юлия Цезаря, Гнея Помпея Магнуса и Марка Лициния Красса (с 60 по 49 год до н. э.); получение в 44 году до н. э. Гаем Юлием Цезарем императорской власти – пожизненных диктаторских полномочий – и его последующее убийство; образование Второго Триумвирата в составе Марка Антония, Гая Октавиана Августа и Марка Эмилия Лепида (с 46 по 43 год до н. э.); в 28 году до н. э. Октавиан становится принцепсом, а в 27 году до н. э. – императором. Таким образом, Рим прошёл долгий путь к консолидации государственной власти в руках императора и его новых институтов.

Произошедшая институциональная революция в Древнем Риме при переходе страны посредством череды гражданских войн от республиканской формы правления к имперской была вызвана объективными обстоятельствами – расширением границ и сложности самого государства в процессе военной экспансии. Как уже отмечалось в литературе, этот переход ни в коей мере не был связан с культурной деградацией элит, наоборот, это был период самых ярких, талантливых и неординарных римлян за всю историю государства (Балацкий, 2024а). Следовательно, парадокс Цицерона получает своё логичное объяснение благодаря представлению об эрозии институтов на стадии расширения и усложнения государства.

В завершение данной темы укажем, что смена Римской Республики Римской Империей ознаменовалась явным ростом эффективности в управлении провинциями. Например, в республике проконсул, командированный в провинцию, фактически ни от кого не зависел: он не был обязан давать отчёт в своих действиях ни провинциалам, ни центральной власти (Соболевский, 2001). В связи с этим можно напомнить, что карьера Цицерона началась на завершающем этапе существования Римской Республики с дела Верреса, имя которого стало синонимом бесчестного наместника (Бобровникова, 2006); именно бесперспективность борьбы с безответственностью бывшего пропретора Сицилии мультимиллионера Гая Верреса и стала причиной первого ораторского триумфа Цицерона. Во времена империи порядки изменились – у императора было право верховного наблюдателя, в том числе над правителями провинций. При возникновении конфликтов на местах провинциалы жаловались императорам, а те, даже будучи в целом крайне несправедливыми, сурово наказывали таких правителей. Следовательно, командная система правления в ряде случаев может быть эффективнее демократических форм власти.

Выше нами описана стилизованная схема институционального перехода от Республики к Империи. Однако, как и любая схема, она упрощает реальные исторические процессы. В связи с этим сделаем несколько уточнений для демонстрации многомерности событий древности.

Первое уточнение связано с тем, что Римская Империя не была монархией в прямом смысле слова. В ней сохранились многие институты республики, существенно видоизменённые, но с элементом преемственности с предыдущим строем. Соответственно, император был скорее диктатором, нежели монархом (Bretone, 2016): он объединял полномочия консула и трибуна, при этом без географических и временных ограничений (Giovannini, 2015). Таким образом, император, будучи законным диктатором, мог в случаях крайней необходимости (extremus necessitatis) пренебречь законностью ради блага государства и народа (Brunt, 1977). Такая картина делает смену институтов республики на институты империи менее резкой, но не меняет сути вопроса, ибо воля императора в рамках нового строя стала определяющим элементом политики государства. В условиях империи республиканские институты играли роль либо вспомогательных, либо марионеточных организационных структур.

Второе уточнение связано с тем, что к моменту смены политического строя в Риме накопилось множество внутренних проблем. Во-первых, это вопрос об ager publicus – землях, приобретённых в результате завоеваний в Италии и являвшихся коллективной собственностью Республики, но находившихся в ведении Сената. Этот вопрос привёл к конфликту между мелкими и крупными собственниками земли (в частности, к политическим убийствам Тиберия и Гая Гракхов) (Moatti, 2018). Во-вторых, военные завоевания вели к росту спроса на легионеров, относительно которых

также возник острый конфликт между популярами (populares), лоббировавших зачисление в армию граждан, не имевших средств на вооружение, и оптиматами (optimates), стоящими на противоположных позициях (например, война Гая Мария и Корнелия Суллы) (Bretone, 2016). В-третьих, неопределённость статуса жителей италийских племён, которые были покорены Римом и стали его союзниками, но римского гражданства не получили[3]. Все эти проблемы были вызваны предыдущими завоеваниями республики, однако решить их в рамках старых институтов не удавалось из-за невозможности консенсуса между группами влияния, что и оказало дополнительное давление на смену строя.

Таким образом, границы между республикой и империей не слишком резкие, а помимо внешних и военных причин смены строя было множество внутренних факторов. Эти обстоятельства следует учитывать, хотя общей схемы они не нарушают.

Глубинное государство в США: сущность, генезис и значение

Выше было показано, как эрозия институтов приводит к краху государства и его полному переформатированию на базе новой институциональной парадигмы. Однако иногда институциональная революция оказывается возможна без демонтажа государственности и вооруженной борьбы. Примером тому служит возникновение в США так называемого *глубинного государства*.

Отцы-основатели США заложили в институциональную структуру государства огромное число разнообразных сдержек и противовесов всех ветвей и уровней власти, что обеспечивало принцип политической демократии. Однако такая система власти не позволяла Америке превратиться в имперское государство, потребность которого стала всё острее ощущаться после Второй мировой войны, когда страна необыкновенно обогатилась экономически и усилилась технологически. Именно в этот период крупный бизнес США стал готов к перехвату роли мирового центра капитала у Великобритании. Следствием такой ситуации стал масштабный институциональный конфликт: с одной стороны, стране была нужна имперская институциональная модель государства с её инструментами глобального доминирования и международных репрессий, с другой – она противоречила либеральным принципам политической и деловой жизни Америки. Фактически США оказались в положении Римской Республики с той лишь разницей, что Штаты стояли перед необходимостью не военной, а сугубо экономической глобальной экспансии. Никакие оперативные решения не могли ликвидировать возникшее противоречие, а перестройка основ государственной власти посредством революций и гражданской войны, как это было в Римской Республике, никого не устраивала. В этой беспрецедентной ситуации американский истеблишмент осуществил скрытую институциональную реформу путём создания глубинного государства с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) в качестве ядра новой системы. Это было одним из важнейших и поистине выдающихся управленческих решений в истории США. Рассмотрим этот процесс подробнее.

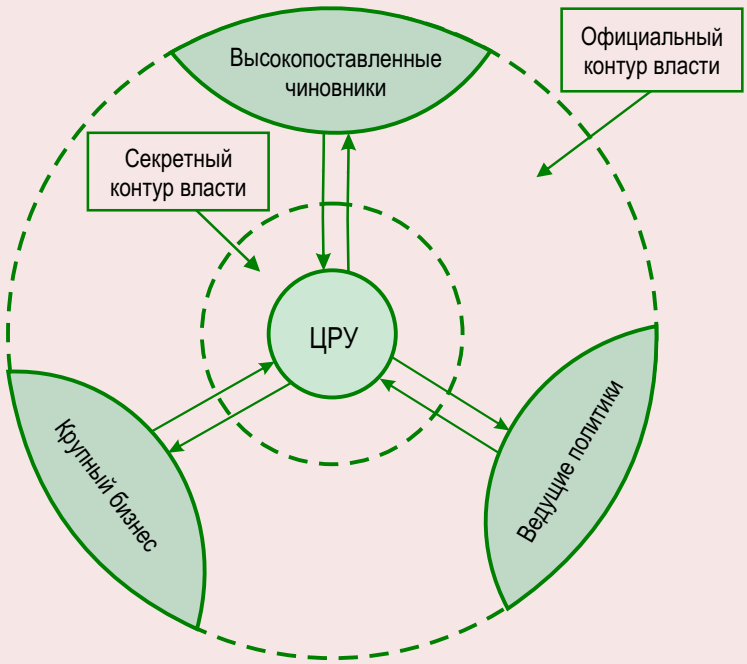
Прежде всего следует сразу оговориться, что понятие глубинного государства (ГГ) уже прочно вошло в академические исследования. Сегодня существование и функционирование ГГ признается абсолютным большинством политологов как в США и Турции, так и в России. Однако участники этой системы и её функции в различных странах отличаются, что обусловлено спецификой политических систем (Радугин, Черноусова, 2024). Некоторые авторы рассматривают ГГ как структурный элемент групп интересов, имеющих реальное политическое влияние в США за счёт завуалированных механизмов управления (Корнута, 2023). В ряде случаев исследователи обращают внимание на такое свойство ГГ, как подрыв легитимности действующей власти, причём как внутри страны, так и за её пределами (Луценко, 2025). Некоторые политологи вполне правомерно рассматривают ГГ как управленческое ноу-хау, уходящее корнями в британскую традицию времён Генриха VIII (Коктыш, Сергеев, 2024).

[3] Sapir J. (2018). A propos du livre de Mme Claudia Moatti: «Res Publica», Les débats sur la souveraineté révélé par les évolutions des représentations de la Res Publica // Russeurope-en-Exil blog. URL: https://www.les-crises.fr/russeurope-en-exil-souverainete-et-chose-publique-de-lhistoire-romaine-a-notre-propre-histoire-par-jacques-sapir/

Среди западных аналитиков понятие ГГ рассмотрено ещё более пристально. Например, некоторые авторы придерживаются классового (исторического) подхода к трактовке термина, восходящей к более ранней конспирологической трактовке. В такой версии это реальная структура власти, основанная на влиянии классовых и кастовых элит и уходящая корнями в историю США со времён их основания (Derber, Magrass, 2024). Другая линия исследований связана с институциональным анализом и предполагает изучение властной конфигурации ГГ. Например, некоторые специалисты указывают на то обстоятельство, что после Второй мировой войны США создали мощное государство национальной безопасности с беспрецедентным уровнем секретности, а само ГГ трактуется как триединая система, включающая открытое демократическое государство, авторитарное государство безопасности и недемократические институты, вплоть до использования связей с организованной преступностью и политических убийств (Good, 2022). В рамках институциональной линии появляются и работы, посвящённые последним изменениям в политике Вашингтона, в частности «атакам» Д. Трампа на ГГ (Campbell, 2022). Более глубокий анализ этого явления предполагает перенесение фокуса внимания на конфликт между администрацией Трампа и разведывательным сообществом США с точки зрения проверки институциональной устойчивости государства, соблюдения принципов демократического управления и обеспечения национальной безопасности (Munabari et al., 2025). В одном из обобщающих исследований показано, как во времени и пространстве менялось понимание термина ГГ: на Ближнем Востоке его связывают с объединением гражданских и военных структур; в Таиланде – с взаимодействием монархии, судебной власти и чиновников; в США раньше в качестве ядра ГГ рассматривался военно-промышленный комплекс, а во время Трампа – административная система (Demiroz, 2025).

Таким образом, в настоящее время уже имеется академический консенсус в отношении сущности и роли ГГ. Ниже мы дадим свою версию данного термина и раскроем роль и значение ЦРУ для его успешного функционирования. Общая схема ГГ отображена на *рисунке*.

Организационная структура глубинного государства

Источник: составлено автором.

Видим, что ГГ в данной трактовке представляет собой объединение трёх групп влияния: высокопоставленных чиновников (представители Белого Дома, Пентагона, Государственного Департамента, судьи и т. п.), ведущих политиков страны (сенаторы, конгрессмены, члены Совета Национальной Безопасности США, губернаторы и т. п.) и крупного бизнеса (военно-промышленный комплекс, Уолл-стрит, нефтегазовые компании и т. д.). Все эти акторы политического процесса взаимодействуют и достигают консенсуса по ключевым вопросам на площадке ЦРУ. Подчеркнём, что указанные игроки имеют явно выраженные бизнес-интересы, что определяет их высокую политическую активность, а также обладают достаточной политической культурой для поиска и достижения компромиссов по важным вопросам, позволяющих достигать согласия. В этом смысле ГГ ни в коем случае не является *альтернативным* государством, наоборот – оно представляет собой *продолжение* официального государства. Благодаря ЦРУ в качестве площадки для обсуждения проблем, выработки и реализации решений само ГГ объединяет *официальный* контур власти, в рамках которого принимаются обычные решения в области внутренней и внешней политики, и *секретный* контур, где на площадке ЦРУ решаются спорные, сомнительные и «скользкие» вопросы внешней политики. Таким образом, ГГ – это естественное расширение официального государства, а не союз противостоящих ему сил.

На рисунке центральным элементом разведывательного сообщества выступает ЦРУ, однако в реальности это сообщество гораздо шире и в него входят другие влиятельные ведомства США: Разведывательное управление Министерства обороны, Федеральное бюро расследований и др. Между ведомствами имеется взаимодействие, но всё-таки безусловный приоритет во внешних делах за ЦРУ, что и позволяет рассматривать его как ядро всего секретного контура власти.

Из схемы видно, что роль ЦРУ состоит в реализации принятых ГГ решений за пределами США в режиме полной секретности. Она дает возможность официальному государству отрицать своё участие в тех операциях, которые бросают на него тень. Сказанное позволяет дать общую характеристику деятельности ГГ (*табл. 1*).

Все характеристики ГГ в таблице напрямую связаны с деятельностью ЦРУ. Например, интересы нефтяных корпораций США и Великобритании в Иране требовали свержения правительства Мохаммеда Мосаддыка, который в 1951 году участвовал в принятии и реализации закона о национализации нефтяных промыслов Англо-иранской нефтяной компании. В ответ на такие действия руководства Ирана спецслужбы США и Великобритании подготовили и осуществили правительственный переворот с целью смены власти, по итогам которого в 1953 году Мосаддык был арестован, а главой государства стал генерал Фазлолла Захеди, который вернул нефтяные концессии США и Великобритании и восстановил с ними дипломатические отношения. Этот пример является типовым для действий ЦРУ и ГГ.

Таблица 1. Характеристика глубинного государства

Цели	1. Обеспечение привилегий крупному бизнесу США 2. Расширение власти и влияния США во всем мире 3. Ослабление враждебных для США внешних сил
Принципы	1. Предельная рациональность в получении сверхприбыли 2. Полная аморальность осуществляемых операций 3. Сокрытие информации и дезинформация 4. Консенсус мнений основных акторов ГГ 5. Противоречие принимаемых решений национальному законодательству США, нормам международного права и воле американского населения 6. Безответственность за реализованные кампании
Методы	1. Разведка и аналитика 2. Формирование компроматов, подкуп и шантаж 3. Диверсионные операции, включая правительственные перевороты и политические убийства
Статус	1. Абсолютная секретность и неподотчетность 2. Широкая поддержка официальных властей

В данном случае важно то обстоятельство, что интересы крупного бизнеса в США требуют таких действий за пределами государства, которые не могут быть одобрены не только мировым сообществом, но и официальными органами законодательной, судебной и исполнительной власти Штатов. Именно это обстоятельство заставляет ГГ переходить к секретным операциям и отрицать участие в них официального Вашингтона. На деле же та грязная работа, которую выполняет ЦРУ, пользуется почти неограниченной поддержкой со стороны всех ветвей власти США. Именно такая организационная структура ГГ позволила Соединенным Штатам обеспечить себе имперскую политику и глобальную гегемонию на фоне либерально-демократической формы правления.

Подобное понимание ГГ созвучно представлениям по этому вопросу Дж. Сакса, который указывает на то, что за 80 лет своего существования, начиная с 1947 года, деятельность ЦРУ лишь однажды подверглась эпизодическому расследованию – в 1975 году, когда было инициировано сенатское расследование во главе с сенатором Фрэнком Черчем[4]. Всё остальное время ЦРУ успешно использовало свой статус секретности для подрывной деятельности во всех точках мира. Результаты 80-летней деятельности ЦРУ и ГГ приведены в *таблице 2.*

Такие результаты стали возможны только благодаря огромному потенциалу ЦРУ, который, несомненно, является абсолютно уникальным явлением даже для сектора спецслужб. Этот потенциал включает четыре направления, где ЦРУ добилось исключительного положения: разветвлённая разведывательная сеть по всему миру (агенты почти во всех странах мира самой высокой квалификации); обширная аналитическая деятельность (ЦРУ осуществляет даже собственную оценку ВВП и ВНП всех стран мира); силовые операции (собственные силовые подразделения плюс возможности армии США); денежные ресурсы (помимо секретных статей бюджета страны агентство тайно сотрудничает с криминалом, контролирует наркотрафики и наркокартели и т. п.). Ни одна служба мира не обладает столь обширными возможностями, хотя было бы неверно думать, что сама модель ЦРУ не копируется другими странами.

Данные таблицы 2 демонстрируют высокую эффективность ГГ и ЦРУ с точки зрения целей американского истеблишмента. Как уже отмечалось, цели ГГ и официальных властей США полностью синхронизированы. Однако следует отметить и то обстоятельство, что имперские задачи ГГ ни в коей мере не противоречат желаниям американского народа. Так, по данным опроса «The American-Western European values gap» 2012 года, США – единственная из пяти крупных западных держав (Франция, Великобритания, Германия, Испания и США), где большинство граждан не готово отвергнуть идею культурного превосходства, тем самым демонстрирует имперское сознание (Полтерович, 2017). Следовательно, глубинное государство, созданное для обеспечения имперской модели правления США в мировой системе, вполне соответствует ожиданиям широких масс населения страны. Таким образом, ГГ полностью вписывается в систему ценностей не только американских элит, но и масс, что, собственно, и предопределило его создание и благополучное 80-летнее существование.

После Второй мировой войны США оказались в положении, аналогичном Римской Республики накануне её падения. Однако, в отличие от Римской Республики, Штаты сохранили свою изначальную модель власти путём её глубокого реформирования за счёт создания ГГ.

Таблица 2. Итоги деятельности ГГ и ЦРУ после Второй мировой войны

Число военных баз США	Число стран, где размещены военные базы США	Число удачных и неудачных правительственных переворотов
≈800	≈80	≈80
Составлено по: Jeffrey Sachs: US foreign policy system rife with corruption // China Daily. URL: https://global.chinadaily.com.cn/a/202401/04/WS6596490ea3105f21a507a8fd.html		

[4] Sachs J.D. (2024). How the CIA destabilizes the world // China Daily. URL: https://www.chinadailyhk.com/hk/article/376262

Этот случай можно считать беспрецедентным и уникальным с точки зрения практики институциональных реформ. Однако следует отметить тот факт, что сама эта реформа ни в какой мере не была обычной и стандартной. Американский истеблишмент пошёл на полное переформатирование государственной власти путём создания её *невидимого* сегмента, который оказался над законом и неподвластным никаким правовым актам. Иными словами, американским элитам удалось сохранить легитимную власть за счёт её дополнения в виде власти вне закона, а такое нововведение следует классифицировать как институциональную революцию. Хотя она реализовалась в бескровной форме и даже приняла форму институциональной реформы, она не попадает под рамки стандартной теории реформ. Американское ГГ – пример институциональной революции, проведённой скрытно, непублично и незаконно. Тем не менее модель ГГ оказалась эффективной на протяжении 80 лет своего существования.

Интересным аспектом рассмотренной проблемы являются отношения администрации Д. Трампа и ЦРУ, которые характеризуются как откровенно враждебные. Вопрос, требующий ответа, состоит в том, почему вдруг очередной президент США не «вписался» в уже устоявшуюся модель ГГ. Ответ видится следующим: исторический период правления Трампа ознаменовался завершением секретной линии в деятельности властей США. Начавшаяся геополитическая турбулентность и крушение старого миропорядка уже не требуют никакого прикрытия для планов крупного бизнеса страны, следовательно, и сам Трамп уже не слишком сильно нуждается в услугах ЦРУ, которое лишь продолжает множить издержки на своё содержание. Сегодня спецслужбы Трампа совершенно открыто похищают президента Венесуэлы, сам он волюнтарно начинает бомбардировку Ирана, обнародует планы по захвату Гренландии и т. п. Ещё 10–15 лет назад такие инициативы могли осуществляться только под покровом секретности, однако сегодня нормы поведения в сфере международных отношений радикально изменились и не требуют даже видимости соблюдения международных прав. Можно сказать, что в условиях глобальной безнаказанности на глобальной арене уже не требуется прикрытия беззаконных действий ГГ США. В условиях приоритета силы секретные службы теряют своё значение, а на первое место выдвигаются чисто военные структуры, например Пентагон.

Как и в предыдущем разделе, выше нами описана стилизованная схема институционального переформатирования официальной власти США в ГГ. В связи с этим ниже сделаем несколько уточнений для лучшего понимания сложности и неоднозначности реальных процессов.

Первое уточнение касается того факта, что «начинка» ГГ в разные периоды времени существенно меняется. Например, до 1990 года в бизнес-группах влияния доминировал военно-промышленный комплекс, в 1990–2010 гг. – нефтегазовый и банковский секторы, а с 2010 года по настоящее время – цифровые корпорации. В этом смысле на разных исторических этапах ГГ выражает интересы разных бизнес-групп, что при оперативной выработке решений может приводить к их серьёзным столкновениям и конфликтам. В этом смысле внутри ГГ почти всегда идёт борьба групп влияния.

Второе уточнение предполагает учёт уровня влияния того или иного элемента системы ГГ. Например, если в ней доминируют крупные корпорации, то характер принимаемых политических решений тяготеет к разряду имперско-плутократических; если центр тяжести смещается в сторону бюрократических структур, то и решения принимают имперско-бюрократический характер; если же прерогатива оказывается в руках политических «ястребов» и разведки, то происходит движение к имперско-силовой системе. Сказанное позволяет с определённой степенью условности говорить, что для администрации Дж. Буша-младшего была характерна имперско-силовая тенденция, Дж. Байдена – имперско-бюрократическая, а Д. Трампа – имперско-плутократическая. Тем самым «краски» политических решений ГГ могут быть очень разнообразными.

Третье уточнение касается степени консолидации решений ЦРУ. Дело в том, что провалы тех или иных операций спецслужб и просачивание нежелательной информации в свет вызывают неудовольствие официальных властей США. Иногда расхождения во мнениях по отдельным вопросам приводят к прямым конфликтам и напряжённым отношениям между

ЦРУ с одной стороны, и ФБР, Пентагоном и Государственным департаментом – с другой. Это лишний раз говорит о крайне сложном процессе выработки решений в рамках ГГ.

Сказанное лишний раз подчёркивает, что деятельность ГГ сопряжена с внутренней борьбой групп влияния, а его решения меняют свой характер в зависимости от исторического периода. Эти обстоятельства делают предложенную схему более объёмной и содержательной, но её суть не отрицают.

Крах советского строя в СССР: логика и детерминанты

Крах СССР до сих пор остаётся одной из загадок современной науки, однако в последнее время здесь получены некоторые результаты, позволяющие объективно реконструировать указанное событие. Схема развала СССР преимущественно связана с падением культуры правящих политических элит. Этот процесс можно представить следующим образом.

Советский строй дал определённых лидеров, уровень управленческой культуры которых неизменно убывал. Фактически после В.И. Ленина и И.В. Сталина сильных правителей в государстве уже не было. Это связано со многими обстоятельствами, среди которых главным является достижение к 1970-м годам военно-стратегического паритета между СССР и США, что снизило градус внешних вызовов в адрес советского руководства. С этого момента элиты начали бороться не за государственные, а за собственные интересы. В литературе уже отмечалось, что в этот период, пользуясь терминологией Аджемоглу и Робинсона (Аджемоглу, Робинсон, 2015), в стране началась замена инклюзивных экономических институтов на экстрактивные (Балацкий, Плискевич, 2017). К этому времени ушло из жизни дореволюционное поколение, которое имело высокий общекультурный и образовательный фундамент и долгие годы поддерживало «инклюзивную ауру». Если раньше инклюзивные институты страны заполняли *конкурентный* рынок труда, на котором наиболее талантливые и работоспособные лица получали лучшие места на предприятиях и государственной службе, то постепенное внедрение экстрактивных институтов вело к образованию кадровой *монополии*, когда приоритет отдавался строго определённым людям, связанным с правящими элитами независимо от их способностей, заслуг и достижений. Этот процесс сопровождался разрушением института *развитых социальных лифтов*, когда способный человек получает возможность войти в элиту; при экстрактивных институтах *социальные лифты блокируются* теми, кто имеет возможность пользоваться ими в соответствии со своими личными интересами. С этого момента начался этап автономного воспроизводства элит без привлечения к этому процессу масс, что и запустило тренд к культурной деградации советского руководства.

Преобразование инклюзивных институтов в экстрактивные стало прямым следствием морального перерождения элит. Как уже указывалось ранее, для элит должна быть присуща *холистическая* мировоззренческая установка, когда для человека общее (социум и государство) важнее частного (его личных дел и интересов); для масс характерна *индивидуалистическая* установка, согласно которой для субъекта частное важнее общего (Балацкий, 2024а). Самым опасным для сохранения государственности является рокировка в элитах мировоззренческой установки с холистической на индивидуалистическую. Если первые правители Советского Союза были искренними поборниками коммунистической идеи и не ставили свои интересы выше государственных, то к 1970-м годам эта ситуация начала кардинально меняться. Данный процесс поддерживался фактом недоплаты услуг элит в СССР, на который обратил внимание китайский экономист Айго Лу (Лу, 2025). Как оказывается, недостаток благосостояния советской «верхушки», которая отвечала за достаток нации, вызывал системное недовольство с их стороны. В результате высветилась обоюдоострая проблема: с одной стороны, капитализм с его избыточным неравенством порождает своего «могильщика» в форме класса пролетариев, с другой – социализм с его неправомерным равенством создаёт своего «могильщика» в лице класса политической элиты (Попов, 2026). Учитывая, что в СССР политическое и экономическое руководство страны по своему уровню благосостояния не соответствовало некоему разумному (международному) стандарту, то они потеряли заинтересованность в сохранении такого «несправедливого» строя. Фактически данное недовольство стало прямым следствием отказа представите-

лей власти от этического кодекса коммуниста, что равносильно факту их моральной деградации. Прямым проявлением произошедших изменений внутри элит стали такие явления, как коррупция, развитие теневой экономики и паралич трудовых стимулов. Тем самым была создана основа крушения строя благодаря происходившей общекультурной, профессиональной и моральной деградации правящего класса Советского Союза.

Таким образом, в период позднего СССР возникло активное сопряжение двух трендов – профессиональной и общекультурной деградации правящих элит с одной стороны, и консолидации элит против сохранения социалистического строя с его хронической недоплатой своих избранников – с другой. В итоге к 1991 году в стране накопилось множество управленческих ошибок на фоне нежелания элит защищать существующий строй любыми средствами, что и привело к краху государственности.

Подчеркнём, что падение СССР было вызвано культурной деградацией советских элит. Вместе с тем можно задать вопрос: а не явился ли крах советского государства следствием объективной эрозии его хозяйственной системы, как это было в Римской Республике?

Ответ на поставленный генеральный вопрос должен быть дан отрицательный. Поясним сказанное, рассмотрев три взаимосвязанных вопроса. Первый: что первично – деградация советских институтов или культурная деградация советских элит? Второй: не был ли отказ советского руководства от рыночных реформ в 1970-е годы главной причиной всех последующих неудач? Третий: не являлся ли факт недоплаты политических и экономических элит непреодолимым препятствием для существования советского строя?

Ответ на первый вопрос: культурная деградация советских элит является первичным явлением, ибо именно сами элиты были ответственны за поддержание созданных институтов и именно они сознательно не выполнили эту задачу. Можно сказать, что власть саботировала ранее созданные инклюзивные экономические институты, способствуя их перерождению в экстрактивные, значительно лучше отвечающих их интересам. Именно инициатива элит по демонтажу прогрессивной системы отбора кадров привела к падению качества всех остальных институтов.

Здесь следует остановиться и сделать ряд пояснений. Дело в том, что влияние культуры на институты может восприниматься в качестве логического противоречия в связи с тем, что культура элит и масс сама по себе формируется в определённых институциональных условиях. Однако из этого не следует, что культура вообще не влияет на институты. Более того, В.М. Полтерович предложил схему взаимовлияния четырёх групп факторов развития: технологического прогресса, благосостояния, гражданской культуры и институтов (Полтерович, 2026). Все перечисленные сегменты влияют друг на друга, а при желании к ним могут быть добавлены экология (география) и демография. При этом технологический прогресс и институты содержат «внутренние» механизмы деформации, которые выбирают траекторию общественного развития. Таким образом, культура, понимаемая как совокупность ценностей и установок элит и масс, способна меняться под воздействием, например, уровня благосостояния в рамках даже относительно статичных (фиксированных) институтов. Именно это и происходило в СССР, однако отнюдь не в положительную сторону. Рост благосостояния населения и элит приводил к определённому отчуждению людей и развитию эгоистических свойств, как это часто бывает на ранних стадиях в бедных обществах. Знание о том, что за границей жизнь ещё лучше, приводило к эрозии основополагающих ценностей социализма и коммунизма. Особенно сильна эта тенденция была в элитах, в которых их собственные материальные интересы расходились в разные стороны с интересами государства. Все перечисленные изменения приводили к оправданию эгоистичных тенденций в сословии правящего класса, результатом чего и стало сворачивание инклюзивных экономических институтов.

Ответ на второй вопрос является также отрицательным, что доказывается очевидными историческими примерами. Например, Куба, Вьетнам и Северная Корея не отказались от родовых признаков социализма, но это не привело к падению их государственности. Разумеется, эти государства в определённой степени

адаптировали свою систему к современным требованиям рынка, однако это могло предпринять и руководство Советского Союза, чего сделано не было. Отказ СССР от рыночных реформ в 1970-е годы привёл к замедлению экономического развития страны, но он не мог служить непреодолимой причиной распада государства. Более того, рыночные реформы в СССР всё-таки начались, но с большим запозданием во время правления М.С. Горбачёва. Однако эти изменения были внесены столь непродуманно и бездарно, что поставили под удар политическую стабильность страны. И здесь, опять-таки, мы имеем дело с непониманием элитами не только сложностей и тонкостей управления советской экономикой, но и последствий разрушения самой государственности.

Третий вопрос также предполагает отрицательный ответ: недоплата политических и экономических элит отнюдь не ведёт к автоматическому краху государства. Например, в современном Китае также имеет место подобная проблема, что порождает масштабную коррупцию во властных кругах с последующими репрессиями, однако государство от этого не разрушается. Более того, руководство Китая осознаёт проблему недоплаты элит, в связи с чем задействует не только репрессивные механизмы по искоренению коррупционных явлений, но и постепенно перенимает сингапурскую модель оплаты, где государственные управленцы имеют доходы, сопоставимые с частными менеджерами (Ли, 2025). Таким образом, и с избыточным равенством в доходах можно бороться, не позволяя ситуации выйти из-под контроля.

К сказанному можно добавить, что СССР к завершению Второй мировой войны, в отличие от США, не стоял перед необходимостью переформатирования своей институциональной системы под имперское правление, которое де-факто установилось в стране в послевоенный период. Сильная централизованная власть полностью подходила под новые имперские задачи и не требовала радикальных изменений. В этом смысле вызовы со стороны глобальной геополитической системы соответствовали институциональной конфигурации власти в Советском Союзе. Деградация советской имперской модели проявлялась постепенно, путём накопления оперативных управленческих ошибок: при грубом подавлении мятежа в Чехословакии, при оказании безвозмездной помощи развивающимся странам, при необдуманном ввязывании в вооружённый конфликт в Афганистане, при подрыве отношений с Китаем после смерти И.В. Сталина и т. п. Всё это истощало страну и ослабляло политическую власть. Однако даже этих ошибок было недостаточно самих по себе для краха государственности.

Ещё один штрих к сказанному – однопартийная политическая система и чрезмерная централизация власти сами по себе не ведут к деградации самого института власти. И в очередной раз пример Китая это подтверждает – в Поднебесной передача власти переходит аккуратно, без радикальных разворотов в политике и без массовых политических репрессий. В результате во главе КНР на протяжении почти 80 лет стоят весьма умелые управленцы, что радикально разнится с ситуацией в СССР, где приход к власти Н.С. Хрущёва ознаменовал конфликт с Китаем, приход Л.И. Брежнева – экономический застой, а приход М.С. Горбачёва – окончательную потерю государства.

Вышесказанное можно подытожить – в отличие от Римской Республики СССР был демонтирован не из-за принципиальной нестыковки институтов и экономической системы, а из-за тотальной культурной деградации правящего класса. Именно этот фактор привёл к падению эффективности всех институциональных подсистем страны и к отказу от защиты существующего строя.

Закат Германии: наднациональные элиты и «грязные руки»

Ещё одним интересным примером взаимосвязи деградации институтов и культуры элит даёт современная Германия. Для этой страны характерно несколько культурных трендов, которые определили тот факт, что сегодня страна упускает своё экономическое и политическое лидерство в ЕС и в мире.

Первый тренд связан с формированием в Германии в последние десятилетия так называемых наднациональных элит, которые заинтересованы в отстаивании не национальных интересов своего государства, а интересов патронирующих их элит из государства-гегемона – США. Для описания этого явления предложена

структурная модель эволюционного скачка, которая воспроизводит систему вызов/ответ (Екимова, 2024). Однако в ней на определённой стадии происходит бифуркация принимаемых решений в зависимости от того, какие элиты сформировались в стране – национальные или наднациональные. В первом случае государство преодолевает возникшие трудности, во втором – теряет эффективность своих действий вплоть до крайнего ослабления и даже полного разрушения.

Классическим примером данной логики является современная Германия, которая после поражения во Второй мировой войне в значительной степени лишилась политического суверенитета и попала под американское влияние. Усиление американского контроля после объединения Западной и Восточной Германии привело к тому, что в стране возобладала наднациональная политическая элита, слабо ориентированная на внутренние интересы страны. Кризис немецких элит стал очевиден в 2022 году, когда страна начала активную поддержку Украины в конфликте с Россией. Манифестация приоритета интересов метрополии над собственными национальными была осуществлена главой МИД ФРГ Анналеной Бербок: «Если я пообещала народу Украины, что „мы будем с вами столько, сколько вам будет нужно", то я хочу сдержать это обещание. Неважно, что думают мои немецкие избиратели, я хочу сдержать обещание народу Украины»[5]. Антироссийская позиция руководства Германии противоречит принципу рациональности: отказ от дешёвых российских энергоресурсов, являющихся основой конкурентоспособности германской экономики; подрыв газопровода «Северный поток» и нежелание стран-союзников Германии проводить расследование; бесчисленное количество антироссийских санкций, вредящих экономическим агентам страны, и т. п. Всё это привело к тому, что немецкие компании сокращают производство и переносят его в другие страны, как, например: автоконцерны *Volkswagen AG* и *Mercedes-Benz*, крупнейший производитель промышленного газа *Linde*, упаковочные заводы *Delkeskamp*, завод кровельной черепицы *Nelskamp* и др.; параллельно такие иностранные гиганты, как французский и американский производители шин *Michelin* и *Goodyear*, французский производитель бесшовных труб *Vallourec*, южноафриканская целлюлозно-бумажная группа *Sappi*, голландский цинковый завод *Bludel,* уходят из страны[6].

Результатом проводимой политики является катастрофичное падение доверия населения правящей элите. Так, по результатам опроса немецкого Института новых социальных решений (Institute for New Social Answers), проведённого в январе 2024 года, работой канцлера ФРГ и федерального правительства оказались недовольны 72 и 76% опрошенных респондентов соответственно (Екимова, 2024). Ситуацию с наднациональным характером немецкой элиты максимально точно выразила лидер BSF С. Вагенкнехт: «Министр иностранных дел, которая заявляет, что представляет интересы не немецких избирателей, а избирателей Украины, и которая отвергает переговоры о прекращении войны в интересах правительства США, является не только вопиющей ошибкой, но и угрозой для нашей страны»[7].

Сказанное раскрывает процесс деградации немецкой правящей элиты из-за потери своего политического суверенитета, следствием чего стало ухудшение работы практически всех институтов страны.

Одновременно с указанной тенденцией действовало по крайней мере ещё три тренда. Первый связан с распространением так называемого деструктивного альтруизма, лежащего в основе выступления образованных слоев населения против ужесточения иммиграционного законодательства, даже вопреки тому, что резкое увеличение числа иммигрантов обостряет проблему культурного диссонанса и повышает уровень преступности (Полтерович, 2026). Второй тренд связан с нарастанием «проблемы

[5] Бербок: неважно, что думают мои немецкие избиратели // Деловая Швейцария. URL: https://business-swiss.ch/2022/09/berboknevazhnochto-dumajut-moi-nemeckie-izbirateli/

[6] Германия теряет свою промышленность // Фонд стратегической культуры. URL: https://www.fondsk.ru/news/2023/12/04/germaniya-teryaet-svoyu-promyshlennost.html

[7] Бербок: неважно, что думают мои немецкие избиратели // Деловая Швейцария. URL: https://business-swiss.ch/2022/09/berboknevazhnochto-dumajut-moi-nemeckie-izbirateli/

грязных рук», когда в обществе признаётся, что политическая деятельность неизбежно связана с нарушением моральных норм, и в политику идут индивиды, для которых следование нормам морали не обязательно. В результате к власти приходят те, кто может опорочить конкурентов и убедить граждан в реализуемости несбыточных обещаний, а не те, кто предлагает лучшую программу общественного развития (Полтерович, 2026). В результате эффективность государственных институтов падает, равно как и доверие к ним. Третий тренд связан со снижением уровня массовой культуры, что создаёт предпосылки для формирования механизма, ведущего к деградации моральных норм и снижению эффективности политических решений (Полтерович, 2021).

Таким образом, потеря элитами Германии политической самостоятельности, широкое распространение в обществе феномена деструктивного альтруизма и принятие «проблемы грязных рук» в качестве нормы поведения привели к падению эффективности государственных институтов, основа которых за последние годы не претерпела никаких изменений. Итогом такого положения дел может стать утрата Германией своего места в качестве экономического драйвера Евросоюза.

Обсуждение результатов

Рассмотренные исторические примеры на основе простой теории имеют не только когнитивное значение для уяснения социальной «механики» институтов, но и сугубо практическое измерение. Дело в том, что сегодня Россия находится в крайне опасном положении, связанном с конфликтом на Украине. При этом в стране имеются масштабные институциональные изъяны, которые мешают ей победить и обрести свою цивилизационную аутентичность.

Например, до сих пор в стране нет никакой общегосударственной идеологии, без которой довольно проблематично вести войну против коллективного Запада. Более того, имеется институциональный тупик: с одной стороны, п. 1 ст. 13 Конституции РФ признаёт идеологическое многообразие в стране, тем самым отрицая единую государственную идеологию, с другой стороны – президент страны является гарантом Конституции и должен препятствовать созданию какой-либо главенствующей идеи. В условиях противостояния развитым западным странам без духовной опоры в виде единой идеологии нации достичь победы весьма затруднительно.

Одновременно с этим в стране сегодня уже окончательно оформилась модель бюрократического капитализма, при которой большинство важнейших государственных вопросов решается чисто формально, а не содержательно и принципиально. Эта модель легитимирует персональную безответственность людей, принимающих ответственные решения на базе бюрократических шаблонов.

Уже этих двух пунктов достаточно для понимания той опасности, которая возникла перед Россией. Фактически она рискует в третий раз (после крушения Российской империи в 1917 году и распада СССР в 1991 году) лишиться государственности, что станет историческим нонсенсом и является недопустимым. В таких условиях необходимы либо масштабные институциональные реформы, либо своеобразная институциональная революция. В Древнем Риме политические элиты пошли по второму пути, в США после 1945 года – по первому. В противном случае накопленные проблемы приведут Россию в лучшем случае к ситуации, которая сегодня наблюдается в Германии.

Опыт решения масштабных институциональных проблем в Древнем Риме и послевоенных в США продуцирует сдержанный институциональный оптимизм. Однако за позитивные преобразования следует активно бороться с полным пониманием того, что именно необходимо стране. Исторические примеры и теоретические тезисы способны дать массу подсказок на этом пути, в чём и состоит их значение. Речь идёт не только о рассмотренных выше исторических прецедентах, но и о других примерах, которые ещё предстоит изучить. Более подробное обсуждение данной проблемы выходит за рамки статьи.

Заключение: к новой теории институтов

Новая теория экономического роста оперирует уравнениями динамики не только для капитала и труда, но и для качества институтов. В свою очередь новая институциональная теория должна дать хотя бы в общем виде представление о динамике качества институтов с

учётом таких явлений, как эрозия, деградация и реформы. В статье предложена простая схема учёта данных аспектов экономической динамики.

Разнесение эффектов эрозии и деградации институтов позволяет лучше понять многие исторические события, связанные с институциональной ломкой государственных систем управления. Для иллюстрации возможностей новой теории рассмотрены четыре исторических примера: преобразование Римской Республики в Римскую Империю, создание в США института глубинного государства, распад СССР и деградация управления в современной Германии. Для более выпуклого отражения сугубо экономических, институциональных и культурных факторов исторических процессов использовался метод институциональной реконструкции. Данный подход позволил раскрыть некоторые аспекты исторической динамики, которые раньше ускользали от аналитиков. В частности, это позволило объяснить парадокс Цицерона.

В дальнейшем уточнение основных положений предложенной концепции и накопление содержательных исторических примеров позволят повысить объяснительную и прогностическую способность нового подхода.

Литература

Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). Власть и прогресс. Москва: АСТ. 544 с.

Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: АСТ. 672 с.

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. Москва: АСТ. 704 с.

Балацкий Е.В. (2013). Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. № 5. С. 5–24.

Балацкий Е.В. (2015). Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (26). С. 124–149.

Балацкий Е.В. (2021). Институциональные реформы и человеческий капитал // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 51. № 3. С. 103–124.

Балацкий Е.В. (2023). Эрозия институтов и экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 81–101.

Балацкий Е.В. (2024a). Экономика элит и политическая нестабильность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 43–63.

Балацкий Е.В. (2024b). Элиты и контрэлиты в теории пассионарности П. Турчина // Социальное пространство. Т. 10. № 3. С. 1–20.

Балацкий Е.В. (2025). Китайская модель геополитического успеха // Мир России. Т. 34. № 3. С. 167–185.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2019). Эффективность монетарного регулирования в условиях санкций // Журнал институциональных исследований. Т. 11. № 2. С. 94–109.

Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. № 4. С. 97–117.

Бобровникова Т.А. (2006). Цицерон: Интеллигент в дни революции. Москва: Молодая гвардия. 532 с.

Гизо Ф. (2016). История цивилизации в Европе. Москва, Берлин: Директ-Медиа. 348 с.

Дзоло Д. (2010). Демократия и сложность: реалистический подход. Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 320 с.

Екимова Н.А. (2024). Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 64–80.

Карташов Г. (2007). Экономический рост и качество институтов ресурсоориентированных стран // Квантиль. № 2. С. 141–157.

Коктыш К.Е., Сергеев В.М. (2024). Рождение глубинного государства // Полис. Политические исследования. № 1. С. 134–148.

Корнута И.В. (2023). К вопросу о глубинном государстве в США как структурном элементе многоцелевых групп интересов // Власть. № 4. С. 258–260.

Ли Д.Д. (2025). Китайский взгляд на мир. Развенчание мифов о Китае для предотвращения глобального конфликта. Ереван: Fortis Press. 266 с.

Лу А. (2025). Советский Союз. Причины распада и уроки. Пекин: Саньлянь шу дянь. 274 с. (на китайском).

Луценко С.И. (2025). Контуры «глубинного государства»: цели и задачи // Власть. № 1. С. 120–128.

Маркс К., Энгельс Ф. (1960). Сочинения. Т. 23. Москва: Государственное издательство политической литературы. 908 с.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 256 с.

Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35. № 2. С. 3–20.

Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. Москва: Издательство «Экономика». 447 с.

Полтерович В.М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. № 11. С. 1–19.

Полтерович В.М. (2017). Толерантность, сотрудничество и экономический рост // Вопросы экономики. № 11. С. 33–49.

Полтерович В.М. (2021). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. № 1. С. 1–21.

Полтерович В.М. (2026). Эволюция механизма общественного развития: попытка четырехфакторного анализа // Вопросы экономики. № 4. С. 5–26.

Попов В.В. (2025). Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Москва: Fortis Press. 392 с.

Попов В.В. (2026). Почему рухнул советский социализм // Мир России. Т. 35. № 1. С. 184–200.

Проскура Я.В., Терехова Е.А. (2017). Метод кейс-стади как инструмент формирования межкультурной коммуникативной компетенции // Философия образования. № 3 (72). С. 69–76.

Радугин А.А., Черноусова И.Д. (2024). Глубинное государство как субъект управления социальными процессами // Вестник ВГУ. Серия: Философия. № 3. С. 86–90.

Соболевский С.И. (2001). Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. Санкт-Петербург: Кристалл. 672 с.

Турчин П.В. (2024). Конец времен. Москва: АСТ. 432 с.

Цицерон М.Т. (2021). Ораторское искусство: хрестоматия. Москва: АСТ. 320 с.

Amable B. (2016). Institutional complementarities in the dynamic comparative analysis of capitalism. *Journal of Institutional Economics,* 12(1), 79–103.

Amable B. (2017). *Structural Crisis and Institutional Change in Modern Capitalism: French Capitalism in Transition*. Oxford and New York: Oxford University Press.

Bretone M. (2016). Histoire du droit romain. Paris: Editions Delga.

Brunt P.A. (1977). Lex de imperio Vespasiani. The Journal of Roman Studies, 67, 95–116.

Campbell J.L. (2022). *Institutions under Siege: Donald Trump's Attack on the Deep State*. Cambridge University Press.

Demiroz F. (2025). The origins and intellectual structure of the deep state literature. *Public Administration Review,* 85(6), 1666–1681.

Derber Ch., Magrass Y.R. (2024). *Who Owns Democracy?: The Real Deep State and the Struggle Over Class and Caste in America*. Routledge.

Giovannini A. (2015). Les institutions de la république romaine des origines à la mort d'Auguste. Basel: Schwabe Ag.

Good A. (2022). *American Exception: Empire and the Deep State*. Skyhorse Publishing.

Mayor A. (2010). *The Poison King: The Life and Legend of Mithradates, Rome's Deadliest Enemy*. New Jersey: Princeton University Press.

Moatti C. (2018). *Res publica – Histoire romaine de la chose publique*. Paris: Fayard.

Munabari F., Hanita M., Ras A.R. (2025). The shadow state narrative, bureaucratic politics, and national resilience in the Trump era. *Jurnal Lemhannas RI,* 13(3), 336–350.

Popov V. (2011). Developing new measurements of state institutional capacity. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 158, 1–7.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: evbalatsky@inbox.ru)

Balatsky E.V.

Institutional Erosion and Degradation: A General Theory and Historical Precedents

Abstract. World history is replete with events that call for deeper reflection – especially those involving a fundamental overhaul of public administration systems in different countries. To better understand such processes, we propose an equation describing the dynamics of institutional quality. The equation draws on a distinction between institutional erosion (where institutions lag behind the economy's evolving needs) and institutional degradation (driven by the cultural degradation of ruling elites). The analytical potential of this approach is demonstrated through four historical case studies: the transformation of the Roman Republic into the Roman Empire, the emergence of the deep state in the United States, the dissolution of the Soviet Union's statehood, and the degradation of governance in present-day Germany. To bring the specifically economic, institutional, and cultural factors into sharper relief, we employ the method of institutional reconstruction. This framework sheds light on aspects of historical dynamics that previously lacked an adequate explanation. In particular, it clarifies the Cicero paradox – the shift of a governance system from a more advanced to a more primitive institutional model.

Key words: erosion, degradation, institutional theory, deep state.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru)

Статья поступила 06.08.2026.